

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.02

Ю.А. ЗУЛЯР

УДК 378(571.53)(091)

ББК 74.58(2Р-4Ир)г

ВУЗЫ ИРКУТСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассмотрены события и процессы, происходившие в системе высшего образования г. Иркутска. Город, удаленный от фронтов мировой войны стал значимым центром системы тылового обеспечения действующей армии. В статье анализируется один фрагмент этого статуса — участие вузов города в решении задач, важных для страны и сложных для исполнения. Иркутск превратился в вузовский центр, где уже существовавшие вузы нарастили выпуск специалистов высшей квалификации и приняли у себя ряд эвакуированных вузов, предоставив им помещения, оборудования, места для проживания преподавателей и студентов, необходимые ресурсы для работы и жизни. При этом немногочисленные вузовские помещения были переданы так же под госпитали и оборонные предприятия, а студенты и преподаватели взяли на себя значительную часть работы по лечению и обслуживанию раненых бойцов.

Ключевые слова: вузы в годы войны, учебный процесс, быт студентов.

YU.A. ZULYAR

IRKUTSK UNIVERSITIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The events and processes that took place in the higher education system of Irkutsk are considered. The city, remote from the world war fronts, became

a significant center of the active army's logistics system. The article analyzes one fragment of this status — the participation of the city's universities in solving tasks that are important for the country and difficult to perform. Irkutsk turned into a University center, where already existing universities increased the output of highly qualified specialists and hosted a number of evacuated universities, providing them with premises, equipment, places to live for teachers and students, and the necessary resources for work and life. At the same time, a small number of University premises were also transferred to hospitals and defense enterprises, and students and teachers took on a significant part of the work on the treatment and maintenance of wounded soldiers.

Keywords: universities during the war, educational process, life of students.

В Иркутске накануне войны было шесть вузов: университет (ИГУ), горно-металлургический (ИГМИ), медицинский (ИМИ), педагогический (ИГПИ), сельскохозяйственный (ИСХИ), финансово-экономический (ИФЭИ) [11, л. 38]. Руководство СССР, понимая неотвратимость и близость войны, отменило в 1941 г. летний отпуск преподавателей и каникулы студентов [16, л. 89]. Но, это распоряжение не было выполнено, началась Великая Отечественная война, и 23 июня в вузах страны прошли патриотические митинги.

Призыв в Красную армию. Жизнь страны быстро изменилась, выпускники вузов одновременно с дипломом получили повестку в военкомат [3]. Преподаватели и студенты отправлялись в состав Вооруженных сил, и в первой группе призывников ИФЭИ (38 чел.) ушел директор института. В октябре–ноябре на фронт оправались еще порядка 40 человек, а всего, за годы войны из вуза призвали около 1000 чел. [6; 25; 41, с. 90, 97–98.].

В других вузах Иркутска происходило то же самое. В течение лета практически всех военнообязанных ИГПИ призвали в армию [25, с. 55]. Было мобилизовано 400 учащихся и преподавателей горно-металлургического вуза, и прежде всего коммунистов и комсомольцев. В связи с этим, ОК ВКП(б) упразднил бюро вуза и ограничившись парторгом [26, с. 13]. Из ИСХИ ушли 14 педагогических работников, в т. ч. директор и 108 учащихся [276, с. 22]. Студентов старших курсов ИГМИ перевели в Москву в военно-медицинскую академию и на военфак Второго Московского мединститута [42, с. 524].

Перестройка учебного процесса. Перестраивался и учебный процесс, в частности, в ИГУ, занятия частично начались с 1 августа, тогда как в пединституте — с 1 октября. В ИГПИ учебный процесс шел днем, а затем проходили двухгодичные курсы учителей иностранных языков и учащихся из Тувы и Монголии [25, с. 26; 13, л. 30]. Студентов-педагогов, перешедших на 4 курс, перевели на сокращенную программу, и в ноябре выдали дипломы. В ФЭИ в конце года дополнительно выпустили 21

специалиста. В университете досрочно приняли выпускные экзамена и направили на химзавод 30 химиков [13, л. 36; 41, с. 99]. Одновременно происходила корректировка, например, в ИГПИ в октябре по распоряжению наркомата возобновились занятия со студентами, призванными в армию с 4 курса. Занятия проводились по сокращенной программе, в январе у них приняли госэкзамены и выдали дипломы [25, с. 57].

По распоряжению наркома высшей школы была сокращена продолжительность подготовки специалистов, пятилетний срок обучения сократили с пяти до трех с половиной лет, с четырех — до трех, в ИГУ с пятилетнего — до трехлетнего. При уменьшении продолжительности пребывания студентов в вузе, учебный план сократился незначительно (5–15 %). Это произошло благодаря удлинению учебного дня до семи академических часов, и росту объема еженедельной учебной нагрузки с 36 до 42 часов; сокращалась производственная и преддипломная практика, но увеличивалась учебная; летние каникулы сократили до одного месяца, а зимние — отменили [1, с. 18; 38, с. 19].

Содержание учебных планов было отредактировано в интересах обороны, было сокращено преподавание ряда общеобразовательных дисциплин и возросли объемы военных предметов, в ИГМИ — хирургии, инфекционных болезней, эпидемиологии и микробиологии. В университете добавили военную геологию, соответствующим образом изменили курсы гидрологии и инженерной геологии. В курсах минералогии и петрографии рассматривалось наличие стратегического сырья в соседних государствах и т.п. Эти занятия посещались в т.ч. сотрудниками геологических структур. Студенты-географы при изучении физической географии подробно изучали пограничную полосу, экономгеографии рассматривали соответствующие ресурсы Советского союза и его союзников. Биологов учили находить аналоги перевязочных средств, физики изучали боевое оборудование, механизмы и комплектующие [24, с. 53].

На историко-филологическом факультете ИГУ и гуманитарных факультетах пединститута изучали военные сюжеты, международную обстановку, вопросы оборонно-патриотического воспитания школьников [25, с. 59]. В 1942 г. во всех вузах ввели изучение политической экономии. В иркутских вузах на естественных, технических и инженерных факультетах изучались самолетостроение, деятельность подразделений ПВО, химзащиты, отравляющие вещества, производство ВВ и БОВ и др. Готовили специалистов по производству искусственного жидкого и газообразного топлива, промышленному использованию шлаков [9, с. 68; 18, с. 149].

В конце лета 1941 г. изменили форму организации физической подготовки. Государственный комитет обороны (17 сен. 1941 г.) принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», и в ноябре ввел для студентов 110-часовую военную

подготовку. Ее целью определялось получение ими навыков использования оружия в любых условиях и круглосуточно. В ходе обучения изучался опыт военных действий, была организована военная допризывная подготовка. Проводилась подготовка медсестер и военных связисток [2, с. 197; 30, с. 79]. В развитие этой политики, Правительство страны 13 апреля 1944 г. приняло «Положение о военной и военно-морской подготовке студентов вузов в условиях войны» [40, с. 75]. В нем первоочередное внимание уделялось работе вузовских кафедр военного дела. Многие учащиеся тренировались в лыжных, легкоатлетических, стрелковых кружках, секциях и школах. Результаты работы по формированию у студентов знаний и навыков военного дела были очевидны и пригодились на фронте.

Наряду с необходимыми и понятными обременениями учебного процесса в него вводили и избыточные элементы. Областные руководители для всех вузов, кроме медицинского ввели обязательные сельскохозяйственные повинности во время посевных и уборочных работ. Для их организации ИГУ установили обучение по простым сельхозмашинам и второе — подготовку трактористов, для мужчин. К обучению приступили в декабре 1941 г. Но, учащиеся и педагогические работники саботировали занятия. В учебный процесс в качестве обязательной ввели сельхоз-практику [14, л. 2].

Материальные и кадровые проблемы войны. Эвакуация в Сибирь военных производств, учебных заведений, госпиталей и беженцев создали массу проблем для вузов региона. Принадлежавшие им помещения занимались предприятиями и госпиталями. Существенно сократилось финансирование учебных заведений, сливали институты (местные с эвакуированными) [8]. Например, иркутский ГПИ, отдав учебное здание для размещения в нем эвакогоспиталя, не единожды менял места пребывания. При этом, из-за нехватки учебных помещений, оборудование приходилось консервировать в подсобках. Но, уже весной 1943 г. реквизированное здание возвратили пединституту [25, с. 54].

Горный институт предоставил 2 здания, мебель, оборудование и технику патронному заводу, а также ряд комнат в общежитиях для размещения персонала. Значительные объемы оборудования были переданы тресту Востсибуголь, мебель и книги — эвакуированным Ленинградскому и Днепропетровскому институтам, многое из оставшегося, складировал. Бригады преподавателей и лаборантов в авральном порядке за три недели подготовили здания к передаче. В свою очередь институту выделяли помещения учебных заведений, в 1942 г. ему отвели здания ИГПИ. У сельхозинститута забрали его главный учебный корпус под эвакогоспиталь, и он теснился в жилом доме ППС и в общежитиях. У ИФЗ так же забрали корпус под эвакогоспиталь, и коллектив работал в поме-

щении театра музыкальной комедии, а занятия проводились на одном из этажей административного здания. Большинство помещений ИГМИ и большую часть приборов и наглядных пособий отдали Сталинградскому, Ленинградскому и Воронежскому мединститутам. Учебные корпуса были переданы под госпитали [17; 22; 27, с. 22; 42, с. 101].

Преподаватели, учебно-вспомогательный персонал и студенты мединститута сосредоточились на лечении и помощи раненым. В военное время в Иркутске действовало более 25 госпиталей. Главврач факультетских клиник А.А. Попов руководил отделом эвакогоспиталей облздраотдела. Госпитали возглавляли доценты Н. В. Косицин, Г. И. Феоктистов, ассистенты В.П. Капустин, Э.А. Монжиевский и другие. В 1941–1945 гг. в госпиталях областного центра находилось на лечении порядка 100 тыс. раненых [22; 42, с. 188, 472].

Некоторые мероприятия имели дискриминационный характер, например, отлично успевающих студентов ИФЗИ направляли на обучение в другие вузы, в частности, в 1942/43 уч. г. 23 учащихся зачислили в Сибирский металлургический институт [41, с. 93].

Вызванные войной процессы не только затруднили организацию учебного процесса, но и принципиально ухудшили условия жизни работников и учащихся вузов. Снабжение продовольствием производилось по карточкам, иные товары выдавались по ордерам, в квартиры областного центра вернулись керосиновые лампы, так как для промышленности не хватало электричества. Беженцев сначала помещали в дома культуры, спортзалы и т.п., после их заполнения, горожане селили новых приезжавших их у себя в частных домах и квартирах [41, с. 97].

Скудность учащихся в общежитиях превышала гигиенические нормы (менее трех кв. м). Не хватало кроватей, постельных принадлежностей, мебели. Регулярно отключали электричество, комнаты отапливались печами-буржуйками, угля на нее выдавалось по 5 кг в сутки. Уголь хранили в жилых комнатах, загрязняя помещения. Обеды в студенческих столовых были невкусными, в них всегда была теснота, так как они обслуживали огромное количество чужих посетителей, все это вынуждало студентов находится в них по несколько часов. Студентам отпускали по талонам 600 г хлеба и галушки из ржаной муки. Учащиеся с диагнозом «дистрофия» получали карточки на такие же галушки и ягодный морс, и им так же полагался хвойный настой. Помогал рыбий жир, который получаемый в аптеке по рецептам. Им обогащали супы, жарили картошку. Весной учащихся отправляли на сбор черемши, добавляемой в студенческую еду, для предотвращения цинги [42, с. 526, 528; 20, с. 352].

Многим не хватало мест в общежитиях, и им приходилось снимать комнаты в перенаселенном частном секторе. Вначале войны, были частые перебои в финансировании стипендий и дополнительного питания

дистрофиков. Снабжение студентов самым необходимым производилось не регулярно и в недостаточном объеме. Положение стало меняться в 1944/45 уч. г., когда им стали выделять белье, верхнюю одежду и ткани. Учащихся вузов регулярно привлекали к заготовке дров, добыче рыбы, сбору ягод, овощей, чистке железнодорожных путей, добычи угля в шахтах, и его транспортировке, ремонту учебных и жилых помещений. Девушки работали санитарками в госпиталях. Учащихся использовали на уборке улиц, например, весной 1943 г. городская власть обязала коллектив ИГУ отработать на очистке города 500 человеко-дней [15, л. 11; 25, с. 58; 19, с. 49].

Тяжелым бременем была плата за обучение. С 1942 г. от нее освободили инвалидов войны, детей рядовых и младшего командного состава, детей погибших офицеров. Руководство страны искало способы улучшить положение учащихся. В частности, в соответствии с решением Совнаркома (10 февраля 1943 г.) «Об улучшении питания студентов вузов», их стали обеспечивать продуктами по нормам рабочих. В Комиссариате высшей школы был создан отдел материально-бытового обслуживания учащихся [40, с. 83]. СНК СССР 15 сентября 1943 г. определил новый порядок назначения стипендий в вузах, в соответствии с которым стипендии выдавались всем успевающим студентам. Отличники получали повышенные и именные стипендии [35, с. 214].

Но, не все решения были реализованы. В частности, коммунисты университета на собрании в марте 1943 г., высказывали претензии по поводу того, что решение Совнаркома о создании в вузах отделов снабжения, так и осталось на бумаге [15, л. 6]. Администрации вузов создавали подсобные хозяйства и служебные столовые [33, с. 96]. В частности, столовая для работников и учащихся ИФЗИ, за счет своего подсобного хозяйства, считалась образцовой в Иркутске, поэтому горком партии прикреплял к ней учащихся других вузов [41, с. 105].

Материальная и финансовая помощь фронту. Трудности быта и ухудшение условий жизни, учебы и труда, дополнялись организацией руководством страны фактически обязательных поборов. В частности, педагогические работники и учащиеся сельхозинститута сдали на организацию танковой колонны — 22 000 р. и на 12 755 р. облигаций госзаймов. За эту помощь в марте 1944 г. Верховный главнокомандующий выразил благодарность коллективу вуза [27, с. 22].

Педагогические работники и учащиеся ИГПИ выделяли средства из заработка и стипендий в фонд обороны, подписывались на военные займы, участвовали в денежно-вещевой лотерее, передавали деньги на военную технику, посылали подарки бойцам действующей армии. В 1941/42 уч. г. сумма на которую были приобретены облигации достигла 120 % месячной зарплаты педагогических работников, выделили одежды 13 000

руб., отослано 2 тыс. подарков бойцам и 42 000 руб. перечислено в фонд обороны [25, с. 58]. Студент ИФЭИ В. Дуфесенко приобрел облигации на всю стипендию за год. В конечном счете, педагогические работники и учащиеся приобрели облигаций стоимостью 203 575 руб., за что коллектив вуза два раза удостоился благодарности И.В. Сталина [41, с. 104, 109].

Педагогические работники и учащиеся ИГУ в октябре 1941 г. перечисли в фонд обороны 21 155 руб. Некоторые преподаватели кроме однократного заработка дополнительно жертвовали крупные, в частности, проф. В.К. Абольд — 1 000 руб. Всего коллектив ИГУ пожертвовал 41 700 руб. и возвратил государству облигаций на сумму 142 200 руб., пошедших на приобретение танка. На имя ректора университета Верховный главнокомандующий адресовал телеграмму с благодарностью [6; 12, л. 111]. Преподаватели и студенты должны были посылать бойцам теплые вещи. Городские органы отправляли задание, которое распределялось администрацией по факультетам. Но, иногда оно было непосильным и не выполнялось, что вызывало нарекания городского начальства. Так, произошло в ИГУ зимой 1941 г., в связи с этим было экстренно созвано партсобрание, обсудившее ситуацию и признавшее ее недопустимой. Далеко не все сотрудники пожертвовали вещи. 13 января 1942 г. новую разнарядку, в количестве 131 вещи (5 полушубков, 6 меховых жилетов, 18 пар валенок и т. п.) распределяли уже на партсобрании [13, л. 32; 14, л. 4]. Интересно, где далеко небогатые сотрудники вуза, их взяли.

Коллективы вузов Иркутска оказывали и другие формы благотворительности, в частности, весной 1943 г. после освобождения Сталинграда, коллектив ИГМИ, откликнувшись на просьбу Наркомздрава об участии в восстановлении в нем медицинского вуза, оперативно собрал 20 с лишним коробок оборудования. Молодой преподаватель Н.А. Рязанова, доставив груз за 10 дней сделала это самой первой [42, с. 523]. Тогда же, преподаватели и сотрудники ИГУ, по просьбе городской школьной комиссии, собрали и отправили оборудование для кабинета естествознания в разрушенной гитлеровцами школе [15, л. 6].

Руководители вузов. Успех любого дела, особенно в условиях военного времени, в значительной степени зависит от руководителя. Горно-металлургическим институтом в рассматриваемом периоде руководил доц., канд. тех. наук, металлург Владимир Алексеевич Оглодков [16], выпускник Томского технологического института. Он смог обеспечить эффективную работу института в подготовке высококвалифицированных специалистов. В 1945 г. он был отозван в столицу в Главное управление учебных заведений Наркомата цветной металлургии [23, с. 28].

Иркутским госуниверситетом с ноября 1935 г. по май 1945 г. руководил проф., канд. филос. наук Николай Степанович Шевцов, закончивший Институт красной профессуры и Московский физический институт.

Он возглавлял кафедру теоретической физики на физико-математическом факультете, а во время войны и кафедрой марксизма-ленинизма. В очень сложных условиях, он сумел не только сохранить образовательный и научный потенциал вуза, но и обеспечить его развитие. В 1945 г. его перевели в столицу, на должность начальника Управления преподавания общественных наук МВ и ССО СССР [34; 21, с. 175].

Практически весь военный период ИФЗИ возглавлял подвергавшийся репрессиям Александр Гурьевич Борисов. В октябре 1944 г. его отозвали в Наркомфин. Директор ИСХИ Иван Ермилович Макаров ушел на фронт осенью 1941 г. Новым руководителем, назначенным 22 декабря 1941 г., стал только, что прибывший с эвакуированным из Таганрога институтом механизации сельского хозяйства Г.И. Назаров. Он возглавлял институт практически до Победы, 23 апреля 1945 г. его назначили руководителем в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства [27, с. 22]. Приведенные факты свидетельствуют об эффективности ректорского корпуса иркутских вузов, так как все они были переведены в Москву на руководящие должности.

Деятельность профессорско-преподавательского состава. Основная нагрузка по организации учебного процесса лежит на преподавателях. В годы войны, несмотря на уход на фронт большого количества мужчин, иркутский вузовский преподавательский корпус продемонстрировал высокую эффективность и самоотверженность, профессионализм и лучшие человеческие качества. В 1941 г. ситуация с педагогами была катастрофической, проблему кадрового голода в иркутских вузах решали по-разному. В пединституте в связи с переводом на трехлетний срок обучения резко сократилось число студентов, ППС и УВП. Укрепляли кафедры, объединяли факультеты, библиотеки и т. п. Эвакуированные студенты повысили количество обучающихся, его ППС укрепился за счет приезжих ученых. Например, из столицы приехал проф. И.Т. Огородников, правда в сентябре 1943 г. вернулся в Московский областной пединститут [25, с. 54].

Прибытие профессорско-преподавательского состава из оккупированных районов страны позволило укрепить иркутские вузы. Например, в декабре 1941 г. из Таганрога прибыл, уже упоминавшийся институт механизации сельского хозяйства, влившийся в ИСХИ [27, с. 21]. В ИГМИ объединили кафедры металлургии цветных металлов и металлургии легких и благородных металлов влив туда приехавших специалистов. В пединституте после ухода на фронт многих преподавателей на кафедрах осталось по 2–3 работника [42, с. 525]. Коллектив укрепили эвакуированные известные врачи-педагоги: профессора Д.М. Голуб, М.М. Орлов, В.Д. Елин, Р.С. Альтман, А.Ю. Броневицкий. Впоследствии преподавательские должности заняли его выпускники, в т.ч. выдающи-

еся врачи Х.Г. Ходос, С.Н. Синакевич, Т.А. Ларионова. Объединение представителей иркутской медицинской школы, приехавших светил и талантливой энергичной молодежи позволило не только сохранить высокое качество учебного процесса в институте, но и поднять региональный вуз на новый уровень [29, с. 111].

На 1 сентября 1942 г. в ИФЭИ имелось по данным отдела кадров 14 штатных преподавателей и 7 совместителей, но реально работало шестеро. В 1943/44 уч. г. в вузе существовали незанятые преподавательские должности на всех 9 кафедрах, причем в 1940 г. их было 15. Более того на 8 из них отсутствовали заведующие. Из-за нехватки преподавателей, некоторые предметы не преподавались, в связи с чем не был исполнен годовой план. Наиболее неблагоприятно складывалась ситуация на базовых кафедрах. Имевшиеся сотрудники срочно готовили необеспеченные преподавателями дисциплины, проводили несколько предметов в течение рабочего дня. Директор вуза с помощью партийных и советских органов смог вернуть некоторых преподавателей из армии и госорганов, добиться совместительства для педагогов других вузов, и стабилизировать ситуацию [41, с. 103, 109].

7 июля 1941 г. партсобрание сотрудников университета поставило задачу создания преподавательского резерва. Основным способом было совместительство за счет пединститута и эвакуированных [13, л. 29, 31]. В педагогический коллектив ИГУ в начальный период войны влились выдающиеся исследователи, среди них члены-корреспонденты Академии наук С.С. Смирнов и А.Я. Орлов, профессора В.С. Обручев, В.В. Соболев, В.Д. Принада, М.И. Барбас, С.Я. Лурье, И.И. Белякевич, филологи М.С. Альтман и К.А. Копержинский. Вернулись в университет проф. М.К. Азадовский и К.Н. Миротворцев [28].

С 1943 г. ситуация стала улучшаться за счет возвращения преподавателей с фронта, защиты докторских и кандидатских диссертаций. В ИГУ в 1943/44 уч. г. действовало пять факультетов, на которых преподавали 16 проф. и докторов наук, 35 доц. и кандидатов наук. В ИГМИ в 1944 г. преподавали 19 проф. и докторов наук, 24 доц. и кандидатов наук. В совокупности, учебный процесс в институте был организован на трех факультетах, и его обеспечивало 46 кафедр, в составе 159 преподавателей [7; 42, с. 515].

Перераспределение ресурсов страны на нужды обороны, обусловили резкое снижение и до этого не высокого жизненного уровня преподавателей иркутских вузов. На это накладывалось ухудшение условий организации учебного процесса, в частности, научные сотрудники ИГМИ до обеда проводили занятия со студентами, после обеда занимались с больными, а вечером консультировали врачей и раненных, заканчивая зачастую свой рабочий ночью. Из-за систематического отключения

электроэнергии, обычной стала практика чтения лекций в темноте или при слабом освещении керосинных ламп. Преподаватели регулярно совершали профилактические обходы квартир и частных домов горожан, в том числе выявляли завшивленные семьи, помогали им мылом и проводили при необходимости санитарную обработку. Увеличение случаев антисанитарии в городе в значительной степени было спровоцировано большим количеством, приведшим к страшной тесноте. Однако, благодаря самоотверженной работе медиков, в т. ч. преподавателей института, в Иркутске не было эпидемий. Одновременно они активно занимались научными исследованиями [42, с. 533].

Организация учебного процесса. В годы войны вузы Иркутска, работали в плановом режиме и не прекращали ведения учебного процесса, обеспечивая страну и сибирский регион высококвалифицированными специалистами. Сверх обычных требований перед ними была поставлена задача компенсировать прекращение подготовки кадров в вузах оккупированных и приграничных областей. Например, ИГУ принял на обучение 400 первокурсников при традиционном наборе на в 240 человек. Организовали две дополнительные группы почвоведов и географов и группу астрономов [5]. В ИГМИ образовали новый фармацевтический факультет. Исходя из потребности момента, уже в конце 1941 г. мединститут произвел ускоренный выпуск медиков, специализированных на работе с ранеными пациентами. Выпускные испытания проходили под наблюдением представителей Наркомздрава, проверявших в первую очередь знания по военно-полевой хирургии, инфекционным болезням и эпидемиологии, особое внимание уделялось их способности действовать в сложных боевых условиях и организовывать медицинское обслуживание в тылу и гражданских стационарах [13, л. 35].

Для обеспечения плана набора в вузы, Правительство предоставило ряд послаблений для выпускников 1940 и 1941 гг., и прежде всего отличников и хорошистов [33, с. 95]. Впрочем, сибирские вузы в 1941–1943 гг. принимали на обучение выпускников школ без вступительных испытаний, и только с 1944 г. была возобновлена практика набора. При университетах создавали курсы для подготовки к поступлению в вуз для молодежи с полным средним образованием, закончивших девятилетку до 1 января 1942 г., и сдавших экстерном экзаменов за 10-й класс [39, с. 87]. Например, в ИГУ летом 1942 г. организовали подобные курсы, и для их наполнения преподаватели и аспиранты командировались в различные регионы Сибири [24, с. 54]. Совнарком 23 апреля 1943 г. потребовал от руководителей заводов и фабрик отпускать с работы юношей и девушек за 10 дней до вступительных испытаний [9, с. 70].

В 1943 г. среди поступавших в вузы, находились инвалиды идущей войны. В частности, ИФЗИ в этом году зачислил на первый курс 11 де-

мобилизованных воинов, в 1945 г. — в институте учился 121 комиссованный с фронта [Там же, с. 55; 41, с. 108]. Но лишь в 1944 г. для этой категории абитуриентов были установлены льготы при поступлении. Благодаря мерам правительства по стимулированию набора в вузы, в РСФСР в 1945/46 уч. г. прием студентов на первый курс очных отделений превысил показатели 1940 г. почти на 18 тыс. человек [32, с. 384].

В связи с призывом сотен тысяч высококвалифицированных специалистов в армию в стране возник кадровый голод. Поэтому от вузов требовалось срочно увеличить выпуск специалистов. В июле 1942 г. в соответствии с ускоренным планом ИГПИ закончили студенты трехгодичного срока обучения [25, с. 58]. В ИГУ в начале лета 1942 г. получили дипломы 152 выпускника, в т. ч. 35 геологов, 31 географ, 31 биолог, 55 химиков [4].

Однако, практика ускоренного обучения показала потерю качества подготовки специалистов. Уменьшение времени учебы не очень сказывалось на старшекурсниках, но не позволяло учащимся 1–2 курсов в достаточной мере освоить математику, теоретическую физику, химию и ряд аналогичных предметов. Учащиеся не успевали разобраться с большими объемами учебного материала, вследствие чего от 30 до 40 % студентов не приходили на экзаменационные испытания. Возрастала доля учащихся демонстрировавших низкий уровень знаний, снижалась глубина и качество ответов [39, с. 71]. Дополнительное негативное воздействие оказывало использование учащихся на сельхоз-работах, покрывавших по продолжительности летние каникулы. Сокращенные учебные планы частично помогли временному смягчению кадрового голода в стране, но привели к снижению уровня овладения теорией естественных дисциплин. Поэтому наркомат 15 мая 1942 г. разрешил вузам вернуться к пятилетнему обучению [36, с. 118].

Практически прекратилось обеспечение вузов расходующимися материалами, реактивами для проведения практических занятий, рабочими инструментами, учебными пособиями и научным оборудованием. Однако, вопреки ожиданиям, перебои в финансировании, имевшие место в начале войны, прекратились, и суммы, выделяемые на высшую школу, стали возрастать. В 1941–1942 гг. количество вузов принципиально сократилось, и финансирование высшей школы было урезано в три раза, сократившись до 821,3 млн руб. С 1943 г. объемы выделяемых средств стали расти, достигнув в 1945 г. 2 856 млн руб., превзойдя на 170 млн руб. показатели 1940 г. [31, с. 126].

Но, организация учебного процесса была экстремальной, продолжительность проводимых аудиторных занятий уменьшалась, они проходили в плохо отапливаемых и недостаточно освещенных, зачастую приспособленных помещениях. Возможности для организации лабора-

торных работ и производственной практики были крайне ограниченными. Для спасения от холода учебные проводились в общежитиях, где было теплее [1, с. 41].

Исходя из сложившейся ситуации предприятиям и учреждениям решили устраивать на работу учащихся вузов по совместительству на неполный рабочий день. Эта практика получила широкое распространение и в той или иной степени улучшила материальные условия порядка 150 тыс. юношей и девушек [2, с. 196, 197]. При этом большинство трудоустроенных столкнулось со многими проблемами при освоении учебного материала и сокращением времени на отдых в условиях 42-часовой аудиторной учебной недели [31, с. 80]. Это спровоцировало массовую практику пропуска занятий и уход из вузов, прежде всего учащихся 1, 2 курсов. Например, ИГМИ в 1941 г. лишился значительной части первокурсников. Низкая посещаемость учебных занятий привела к росту неуспеваемости работавших студентов. Так, большинство случаев отсутствия на занятиях студентов-медиков, объяснялась их занятостью на заводах и фабриках, выполнявших внеплановые оборонные заказы, а также дежурствами в больницах и госпиталях, и участием в частых противоэпидемических мероприятиях, сдачей крови для спасения тяжелораненых. В основном студенты прогуливали занятия во второй половине дня из-за стояния в очередях перегруженной столовой [13, л. 35]. Вместе с тем, отрыв студентов от занятий для работы на заводах, фабриках и в профильных учреждениях, в ряде случаев, стимулировал переход на иные способы организации учебного процесса, неформально связанные с производством, облегчавшими адаптацию выпускникам в трудовых коллективах и дававших им навыки работы на сложном оборудовании, не имевшемся в вузах.

Ситуация в вузах стала нормализоваться после принятия СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений» от 5 мая 1942 г. [10, с. 45], которое запрещало органам советской власти изъятие помещений и имущества, принадлежащих вузам. Их педагогические работники и учащиеся не могли привлекаться к любым видам деятельности и службе в Вооруженных силах без санкции Совнаркома СССР. Этот документ был направлен на нормализацию условий проживания и питания учащихся, на улучшение условий организации учебного процесса ППС. Местным органам власти предписывалось предоставить институтам и университетам здания или их отдельные части эквивалентные реквизируемым. Предоставлялась отсрочка всем учащимся выпускных курсов, а в технических вузах и предвыпускных от мобилизации в Вооруженные силы [9, с. 74].

Лекции в рассматриваемый период использовались в качестве базового элемента учебного процесса. Дефицит реактивов и других расходу-

емых материалов существенно снижал качество практических занятий, недостаточные объемы учебной литературы приходили в негодность и не восполнялись. Другой широко распространенной формой организации обучения являлась производственная и педагогическая практика, являвшаяся обязательным элементом, предшествовавшим государственным экзаменам и защите диплома.

Особая роль отводилась самостоятельной работе. Администрация вузов, факультетов и руководство кафедр рассматривали ее в качестве неотъемлемой части учебного процесса. Повсеместно проводились консультации, направленные на повышение ее эффективности. В вузах проводились методические конференции, решавшие задачи создания условий, выработки рекомендаций и учебных методик обеспечения результативности работы учащихся. Внеаудиторная деятельность оценивалась посредством анализа домашних работ, проведения самостоятельных заданий и коллективных собеседований, ставших широко используемым видом анализа индивидуальных знаний. Они организовывались по экзаменационным дисциплинам. Проведению письменных испытаний препятствовал дефицит пригодной для письма бумаги.

В целях оказания помощи работавшим учащимся проводились в вечернее время дополнительные занятия. Возросло число коллективных и одиночных консультаций, в т. ч. по выходным дням. Но, эта форма работы со студентами была не особенно эффективной, так как они приходили на них в основном накануне сессии [37]. Достаточно активно практиковалось проведение обзорных лекций накануне сессии, и прежде всего по дисциплинам преподаваемым более одного семестра.

Практические занятия с будущими медиками зачастую организовывались в пунктах лечения раненных. В связи с нехваткой и большой загруженностью преподавателей, повсеместно проводились потоковые занятия. Зачастую расписания составлялись так, чтобы собрать студентов разных факультетов на лекции выдающихся преподавателей или на общие дисциплины. Укрупняли факультеты, объединяя родственные, например, иркутских студентов-медиков в 1943 г. слили в санитарно-гигиенический факультет [42, с. 183, 529].

Благодаря умению и напряженному труду преподавателей, несмотря на различные трудности и сложности организации учебного процесса, качество образования в вузах Иркутска осталось достаточно высоким и практико-ориентированным. Выпускники-медики, получив прекрасную практику в иркутских госпиталях успешно оказывали скорую помощь, лечили раненых на фронте и в тылу. Многие из них с благодарностью вспоминали своих учителей и наставников, другим объективным свидетельством являются отзывы больных и раненых в годы войны и после ее окончания.

В 1944–1945 г. организация научно-исследовательской работы студентов возвращается в поле зрения преподавательского корпуса, при кафедрах организуют научные кружки, а главное, был восстановлен институт дипломных работ. Положительно сказалось на здоровье недодедавших студентов возобновление практики зимних каникул [31, с. 76]. Эти и другие нормализации условий функционирования высшей школы и учебного процесса обеспечили сокращение отсева студентов, они стали возвращаться в вузы, стабилизировалась их численность, составившая к середине 1945 г. 89,9 % довоенного уровня.

Более того, именно в это время возникла тенденция повышения количества студентов гуманитарного профиля. Число учащихся в технических и сельскохозяйственных вузах практически достигло довоенного уровня, зато педагогов готовили значительно меньше, чем до войны [39, с. 42].

Список использованной литературы и источников

1. Аврус А. И. История российских университетов: Очерки / А. И. Аврус. — Москва : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. — 86 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. — Москва : Сов. энциклопедия, 1985. — 832 с.
3. Вост.-Сиб. правда. — 1941. — 26 июня.
4. Вост.-Сиб. правда. — 1942. — 2 июня.
5. Вост.-Сиб. правда. — 1942. — 2 окт.
6. Вост.-Сиб. правда. — 1944. — 9 июня.
7. Вост.-Сиб. правда. — 1944. — 9 авг.
8. Высшая школа на Востоке России // Энциклопедия Сибири. — URL: <http://russiasib.ru/vyshshaya-shkola-na-vostoke-rossii/> (дата обращения: 01.12.2019).
9. Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967) / под ред. В. П. Елютина. — Москва : Высшая школа, 1967. — 272 с.
10. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. : М. И. Мовшович; под ред. : А. М. Ходжаева. — Москва : Сов. наука, 1945. — 410 с.
11. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-71. — Оп. 1. — Д. 406.
12. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. 127. — Оп. 21. — Д. 53.
13. ГАНИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 42.
14. ГАНИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 46.
15. ГАНИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 48.
16. ГАНИО. — Ф. 1813. — Оп. 1. — Д. 19.
17. Горно-металлургический: годы войны, восстановления и развития // Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет : офиц. сайт. — URL: <http://www.istu.edu/structure/56/1499/> (дата обращения: 01.06.2019)

18. Зуляр Р. Ю. Деятельность профессорско-преподавательского состава иркутских вузов по реализации политики страны в годы Великой Отечественной войны. Ч. 3 / Р. Ю. Зуляр, Р. Ю. Шпикельман // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2015. — Т. 13. — С. 141–159.
19. Зуляр Ю. А. Проблемы и тренды российского высшего образования и их иркутские интерпретации / Ю. А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 47–57.
20. Зуляр Ю. А. Университетское образование в России: Парадоксы сравнения / Ю. А. Зуляр // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения : материалы 3-й Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Иркутск, 2018. — С. 350–356.
21. Зуляр Ю. А. 80-летняя история кафедры: люди в политике, науке и образовании (К юбилею кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ) / Ю. А. Зуляр, В. Н. Казарин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2013. — № 2–1. — С. 171–190.
22. Иркутский государственный медицинский университет : офиц. сайт. — URL: <http://www.lvkgmu.ru/igmu.html> (дата обращения: 01.05.2013).
23. Иркутский государственный технический университет. 1930–2000 гг. / сост. Н. Я. Хлебкова ; отв. ред. В. М. Салов. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2000. — 400 с.
24. Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири : крат. ист. очерк / Ф. А. Кудрявцев [и др.]. — Иркутск : [б. и.], 1978. — 171 с.
25. Иркутский педагогический... — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ин-та, 1966. — 382 с.
26. Иркутский политехнический институт (1930–1980 гг.) / М. К. Косыгин, С. Б. Леонов, А. П. Надольский и др. — Иркутск : ИПИ, 1980. — 115 с.
27. История Иркутской государственной сельскохозяйственной академии в лицах, цифрах и фактах, аргументах и документах (1934–2009 гг.) / В. И. Покорский, В. В. Комин. — Иркутск, 2009. — 128 с.
28. История развития // Иркутский государственный университет : офиц. сайт. — URL: http://isu.ru/ru/about/history/history_development.html (дата обращения: 01.03.2014).
29. Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х — середина 60-х гг. XX в.) / В. Н. Казарин — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. — 308 с.
30. Комаров Н. Я. Государственный комитет обороны постановляет. Документы. Воспоминания. Комментарии / Н. Я. Комаров. — Москва : Воениздат, 1990. — 430 с.
31. Круглянский М. Р. Высшая школа и подготовка специалистов для фронта и тыла / М. Р. Круглянский // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / ред. кол. М. П. Ким и др. — Москва : Наука, 1970. — 286 с.
32. Культурное строительство в РСФСР: Статистический сборник. — Москва : Госстатиздат, 1958. — 481 с.

33. Лутченко А. И. Подготовка инженерно-технических кадров в 1941–1945 гг. / А. И. Лутченко // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. — Москва : Наука, 1976. — С. 81–97.

34. Николай Степанович Шевцов // Галерея ректоров и профессоров ИГУ. — URL: <http://library.isu.ru/ru/escience/rector/rectors/Shevtsov.html> (дата обращения: 01.06.2014).

35. О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. — 1943. № 12. — С. 214–215.

36. Об отмене свободного посещения учебных заведений студентами. Пост. СНК СССР (дек. 1942) // СП СССР. — 1943. — № 7.

37. Писаренко И. С. Законодательное регулирование развития советской высшей школы в годы Великой Отечественной войны / И. С. Писаренко // Образование и общество. — 2003. — № 5 (22). — URL: http://www.jeducation.ru/5_2003/99.html (дата обращения: 01.09.2013).

38. Пластинин В. В. Очерки по истории развития физико-математического образования в Иркутском государственном университете имени А. А. Жданова (1918–1972 годы) / В. В. Пластинин, Т. А. Шигорова. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1972. — 63 с.

39. Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа / Н. Л. Сиверцева // Социологические исследования. — 1995. — № 5. — С. 35–44.

40. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны / В. В. Дрыночкин, А. И. Залесский, И. З. Захаров и др.; под ред. Ф. Б. Комала. — Москва : Наука, 1980. — 232 с.

41. Сонич Г. Ф. Иркутская государственная экономическая академия (исторический очерк) / Г. Ф. Сонич. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1996. — 288 с.

42. Шантуров А. Г. Иркутский государственный медицинский институт в годы Великой Отечественной войны / А. Г. Шантуров, Г. М. Гайдаров. — Иркутск : Ирк-я обл. типогр. № 1, 2005. — 588 с.

Информация об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Yu. A. Zulyar — doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of political science, history and regional studies, faculty of history, Irkutsk state University, 664003, Irkutsk, Ul. K. Marx, 1; e-mail: uzulyar@yandex.ru.